

Трудные годы Петра Ивановича Лукирского¹

По материалам следственного дела № 44532-38 г.

Петр Иванович Лукирский (1894-1954) — один из выдающихся представителей первого поколения советских физиков, талант которого проявился в конце десятих — начале двадцатых годов. Его имя известно сравнительно ограниченному кругу ученых и инженеров, исследующих поведение электронов. Функционирование радиоаппаратуры, радиоприемников и радиопередатчиков в «дотранзисторный» период было невозможно без радиоламп, а в каждой такой лампе были воплощены идеи и разработки Лукирского. Он выполнил важные исследования по физике кристаллов и ядерной физике. Сегодня особенно возрастает интерес к фигуре этого яркого ученого в связи с тем, что сейчас открылись архивы КГБ и оказалось возможным узнать о трудных днях и годах жизни Лукирского, которые он провел в тюрьмах и лагерях. Материалы следственного дела позволяют увидеть необычайное мужество, подлинную порядочность и чувство собственного достоинства Петра Ивановича, которого не удалось сломить в самых жестоких условиях. Публикуемый рассказ о гражданской позиции академика П. И. Лукирского основан на документах следственного дела Петра Ивановича, арестованного в 1938 году и проведенного более четырех лет в лагерях ГУЛАГа.

Вступление

Придается все.
Лишь тебе не дано примелькаться...

Б. Пастернак

Страшно слышать — или ловить себя самого — на мысли: опять ужасы 1937 года, опять публикация о тех временах. Но

¹Звезда. 1996. № 10. С. 179-197.

следственное дело Петра Ивановича Лукирского² резко отличается от тех, которые мне довелось видеть самому или о которых я читал.

Сам о себе Лукирский никогда не рассказывал, разве что — близким родственникам. Где-то я прочел, что в харьковской тюрьме в 1938 году сидел человек, который умел каким-то сверхъестественным чувством отключать свои болевые центры, умел, не теряя сознания, словно бы делать себе противоболевой укол. Ничего из него не удавалось выбить, и в конце концов от него отступились.

Способностью отключать болевые ощущения Петр Иванович Лукирский не обладал. Он был «просто» необыкновенно мужественным человеком. Это мужество, этот героизм не были «сиюминутными», на которые, быть может, способны многие в экстраординарных ситуациях. Это было мужество, выдержавшее испытание многочасовыми, многодневными истязаниями.

При подготовке к печати следственных дел арестованных в «тридцатые проклятые» годы иногда становится известным имя человека, донос которого послужил поводом (а не обязательно причиной) ареста. Возникает нравственный вопрос: следует ли называть имя автора этого доноса? Сотрудники архива, передавая родственникам или исследователям дело об арестованном, предупреждают: нет, нельзя — раскрытие имен больно заденет родственников доносчика. А ведь этого человека могли принудить написать донос здесь же, в кабинете следователя, даже не используя «недозволенных методов ведения допроса», т. е. попросту — не избив. Этой цели можно было достигнуть шантажом, угрозой ареста, преследования семьи арестованного (например, пригрозив отправить в детские дома его маленьких детей с добавлением: «Фамилии их мы сменим, так что вы их никогда не найдете»). Где следует провести грань дозволенного, того, за что мы, живя и работая в комфортных условиях, напомним презрением, а за что, с учетом обстоятельств, «помилуем»?

Если бы авторы показаний-доносов могли думать, что напи-

² Архив Федеральной службы контрразведки России по С.-Петербургу и области.

санное, сказанное ими и удостоверенное их не подделанными подписями когда-нибудь будет прочитано их детьми, а то еще станет известным большому кругу людей, — может быть, тогда они попытались бы, собрав последние силы, отбросить подсунутые им перо и бумагу. Но, кто из обвиняемых мог в критические часы и дни конвейера допросов думать, что их протоколы, страницы доносов, очных ставок будут сброшюрованы в папках следственных дел, на которых напишут удивительные в данном контексте и умом не постижимые слова: «хранить вечно»?

Немного воспоминаний

Знакомство мое с Петром Ивановичем Лукирским было заочным. В 1920-30-е годы большой популярностью пользовались семейные фотоальбомы. Обычно они лежали на специальных столиках в «красном углу» комнат или на одной из полок книжных, а то и платяных шкафов. Был и у нас дома альбом, где собирали фотографии друзей и коллег моего отца — Якова Ильича Френкеля, — физиков, как и он сам. Некоторых из них, бывавших у нас дома, я знал в лицо, о других — расспрашивал и запоминал их имена. Одна из фотографий производила на меня особое впечатление. Это была группа физиков — учеников Абрама Федоровича Иоффе, директора Ленинградского физико-технического института, в котором работал отец. Все они были запечатлены молодыми, кроме самого Иоффе, который на фотографии³ казался мне глубоким стариком. На самом же деле ему было тогда всего 36 лет!

Многих из его учеников я узнавал: Николая Николаевича Семенова и Ядвигу Ричардовну Чернышеву, которые жили до войны во 2-м профессорском доме Политехнического института, Якова Григорьевича Дорфмана, Кирилла Федоровича Нестурха, квартира которого находилась на той же лестнице, что и наша, — он поражал мое воображение сходством с Пушкиным. Рядом с отцом на фотографии сидел Петр Леонидович Капица, имя которого даже для меня, мальчика, было уже овеяно романтическим ореолом человека, много лет проработавшего в Англии.

³Один из вариантов этой фотографии приведен на с. 36. (*Примеч. сост.*)

Среди учеников Иоффе на этой фотографии обращал на себя внимание молодой человек приятной и открытой внешности, с густыми, зачесанными на косой пробор волосами. Он сидел на диване, опершись рукой на подлокотник, и, казалось, с любопытством посматривал в объектив аппарата... Мне пояснили, что это — Петр Иванович Лукирский, многие годы работавший в ФТИ, а ныне (единственный среди запечатленных на фотографии) — арестованный и находящийся в тюрьме. И добавили: это — недоразумение, он замечательный физик и очень хороший человек. Отец знал его со своих студенческих лет по физико-математическому факультету Ленинградского (тогда Петербургского) университета.

«Недоразумение» затянулось на долгие годы. Я изредка слышал от взрослых имя Петра Ивановича в ряду имен физиков, разделивших его судьбу, — Всеволода Константиновича Фредерикса, Юрия Александровича Круткова и других.

Началась Великая Отечественная война. То, что было «до войны», быстро заволокло романтической дымкой, а то, что происходило сегодня, отпечатывалось в нашей памяти крепко и сидит в ней до сих пор. Это и первые месяцы военного Ленинграда, и годы эвакуации в Казани.

Среди этих впечатлений — один из дней поздней осени 1942 года. Вечером, придя с работы, за ужином «при свечах» (это были две коптилки, сделанные из бутылочек от лекарств), отец сказал маме: «Выпустили Петю Лукирского. Он уже здесь; слава Богу, здоров. Хорошо бы пригласить его к нам на ужин в ближайшие дни — можешь это устроить?»

И вот к нам, на затемненную улицу Шмидта, где мы жили в деревянном двухэтажном доме в Казани, пришли супруги Лукирские. Что меня поразило сразу же — так это изможденное лицо Елизаветы Николаевны (она с тремя детьми сравнительно недавно была вывезена из блокадного Ленинграда в Казань), а худощавый и моложавый на ее фоне Петр Иванович сильно поседел и полысел. И еще — даже по казанским масштабам — одет он был очень бедно: в видавшем виды ватнике (хотя на улице уже стояли ранние и сильные морозы), простой ушанке и грубых сапо-

гах. Насколько помню, вопросы, из деликатности, не задавались, и Петр Иванович рассказывал только то, что считал нужным и возможным. В то время уже гремело имя К. Рокоссовского, и я был потрясен, узнав, что Петр Иванович сидел с ним в одной тюрьме и что каким-то образом до заключенных в ней доходил призыв Рокоссовского не поддаваться провокациям, быть стойкими и не подписывать ложных показаний-самооговоров.

Прошло сравнительно немного времени, и из разговоров родителей я узнал, что Петр Иванович буквально набросился на работу, истосковавшись по ней за годы заключения. Его восстановили в звании члена-корреспондента — и даже выдали ему изъятую при аресте книжку, удостоверяющую принадлежность к Академии наук СССР. А. Ф. Иоффе немедленно зачислил Лукирского в штат института и поручил ему заведование одной из лабораторий. Петр Иванович, по рассказу отца, заинтересовался свойствами поверхности кристаллов. Он поручил в институтских мастерских выточить ему шар из каменной соли и нагревал его в муфельной (высокотемпературной) печи. Под влиянием нагрева кристалл терял сферическую форму: энергетически оказывалось более выгодным, чтобы на ней появлялись кристаллографические грани, шар «огранялся». Лукирский остроумно демонстрировал это: исследуемый образец приводился в движение на ровной поверхности стола. Если до помещения в печь он плавно по ней катился, то теперь перемещался по столу, подпрыгивая на образовавшихся гранях.

Работа Петра Ивановича вызвала пристальный интерес теоретиков и послужила стимулом для их важных исследований. Теперь, по прошествии полувека, можно утверждать, что она оказалась физической основой одного из тонких технологических процессов создания приборов современной микроэлектроники.

В начале 1943 года началась реэвакуация из Казани московских институтов Академии наук, и многие сотрудники ФТИ и других ленинградских институтов переселились в переданный Академии наук правительством Татарии Дом профсоюзов республики («Дворец труда»). Там стал жить и Петр Иванович со своей семьей. Однажды летом 1944 года, проходя мимо город-

ского стадиона по дороге домой, я увидел, как из его ворот вышел Петр Иванович со своим старшим сыном Андреем. Из их портфелей торчали ручки теннисных ракеток — видимо, они играли в теннис на кортах стадиона. Теннис так прочно ассоциировался у меня с довоенной жизнью, что возможность заниматься им в условиях войны и эвакуации меня необыкновенно удивила.

Хорошо помню возвращение из Казани в Ленинград в феврале 1945 года. Купе нашей семьи в эшелоне находилось рядом с купе Лукирских. На подъезде к городу вместе с мамой мы вышли в коридор вагона. Он был пуст, и только у одного окна одиноко стоял Петр Иванович. Мама было направилась в его сторону и вдруг резко повернула назад. Я спросил — в чем дело? «Ты не видел? На глазах у Петра Ивановича слезы, он ведь не был здесь семь лет. Не надо его беспокоить!» — пояснила мне она.

На физико-механическом факультете Политехнического института, на который я поступил в 1947 году, я оказался на руководимой Лукирским кафедре технической электроники.

Петр Иванович появлялся там один-два раза в неделю. Всякий раз его приход напоминал известную картину В.А.Серова «Петр Первый». На ней грозный император шествует впереди своей свиты. Петр Иванович (тут забавно и само сходство имен!) вышагивал молча, а за ним, на небольшом отдалении, двигались 4-5 его сотрудников и аспирантов. Часто на работе лицо Лукирского бывало строгим и непроницаемым, холодным — что резко контрастировало с его простой и непринужденной манерой держаться в домашней обстановке.

Арест

Уютная квартира на Васильевском острове. Благополучная профессорская семья. Страшный 1937 год, когда были арестованы многие друзья и сослуживцы Лукирского по Университету (ЛГУ) и Физико-техническому институту (ФТИ), прошел. Не то чтоб «жить стало лучше, жить стало веселее» — но жить стало чуть спокойнее: с начала 1938 года аресты в ФТИ и на физическом факультете ЛГУ практически прекратились.

Жизнь шла своим ходом. Но вот вечером 2 апреля 1938 года, когда дети Лукирских уже давно отправились спать, а Петр

Иванович и Елизавета Николаевна собирались последовать их примеру, в половине первого ночи раздался звонок в дверь. Вошедшие работники НКВД предъявили ордер на обыск и арест. Обыск проводили долго, во всех комнатах квартиры, включая и детскую, разбудили старших, Ксению и Андрея.

Что же было, по составленному акту, изъято? Документы Петра Ивановича: паспорт, профсоюзный билет, судейский спортивный билет. Географические карты — железных дорог, водных и шоссейных сообщений (Петр Иванович — яхтсмен и путешественник!), карта Лондона (в 1926 году он был на два месяца командирован в Англию), карта Одессы — память о 1-м Всесоюзном съезде физиков. Разная переписка — видимо, она была впоследствии уничтожена, как и у других арестованных (какой бесценный для будущих биографов материал погиб!). В ней, судя по тому, что никакие письма в следственное дело не попали, никакого криминала обнаружено не было.

У брата Елизаветы Николаевны изъяты малокалиберное ружье и финский нож. Акт об этом изъятии, как значится в протоколе, Петр Иванович подписать отказался.

А что дали взять с собой? Из вещей — шарф, мыльницу, галстук, запонки, футляр с зубной щеткой. Остальное — на нем. И еще 335 рублей, сумма, по тем временам, не малая. И, заметим, не круглая: наверное, собрали все, что было в доме.

Позади оставались семья, дом, работа. Что было впереди — Лукирский мог только догадываться. Знаем теперь — мы.

Первый донос

Кратко сформулируем общее впечатление от протоколов допросов Петра Ивановича. Это, конечно, не стенограммы, а сокращенное изложение, однако согласованное, хотя бы формально, и всякий раз скрепленное его подписью.

Несколько слов о стиле записи протоколов как Лукирского, так и свидетелей. Как правило, он несет на себе печать «индивидуальности» следователей, иногда выражающуюся в большем или меньшем количестве грамматических ошибок. Но к весне 1938 года, т.е. к началу допросов Лукирского, у следователей НКВД выработался определенный стандарт в проведении допро-

са — с некоторыми вариациями, он ведется по одной и той же схеме с использованием повторяющихся «блоков», составленных из нескольких фраз.

Перейдем теперь непосредственно к первому документу. Допрашивается арестованный сотрудник ЛФТИ. Назовем его А.

Выдержки из протокола допроса А., проведенного 29 марта 1935 года.

Вопрос: Расскажите об антисоветских группировках в Физ.-Техническом институте.

Ответ: Наиболее открыто выражавшими свои а/с⁴ взгляды были следующие лица;

1. БРОНШТЕЙН Матвей Петрович — у него, помимо а/с анекдотов, рассказываемых им систематически, всегда применяется метод дискредитации диалектического материализма...

2. ИВАНЕНКО Дмитрий Дмитриевич — приятель БРОНШТЕЙНА. Он может быть охарактеризован аналогично Бронштейну лишь с той разницей, что он выступает с а/сов, взглядами в менее резкой форме.

3. ЛУКИРСКИЙ Петр Иванович — убежденный а/с, считающий советскую культуру регрессом человечества, а отдельные затруднения в стране как затруднения, вытекающие из самой системы управления. Указанных мною лиц — БРОНШТЕЙНА, ИВАНЕНКО и ЛУКИРСКОГО — я отношу к наиболее ярко а/с настроенным лицам из известных мне в ЛФТИн-те.

Все трое названных А. физиков — известные ученые.

М.П. Бронштейн (1906-1938) арестован 6 августа 1937 года, расстрелян 18 февраля 1938 года. Д.Д. Иваненко (1904-1994) арестован в 1935 году и подвергся административной высылке в Киев.

О Петре Ивановиче Лукирском — вся эта публикация. Напомним: он был арестован 3 апреля 1938 года. Об его пути к освобождению — последующие документы.

Почему А. особо выделил из состава сотрудников ЛФТИ трех «охарактеризованных» им физиков — понять невозможно. Как трудно судить и о том, случайно ли именно они были репрессированы. Впрочем, А. не ограничился ими, а продол-

⁴ а/с — антисоветские (так написано в протоколе).

жил свои «показания», оговорив физтеховцев Д. Н. Наследова, А. П. Александрова, И. В. Курчатова. Что случилось бы с советской ядерной физикой, с реализацией урановой программы, с «урановым щитом», созданным усилиями трижды Героев Социалистического Труда Курчатова и Александрова и их коллег, если б донос А. возымел бы свое страшное действие? Что двигало рукой (языком) А.? Кто-то подсказывал ему соответствующие имена?

Первый допрос

Во многих подобных документах указывается не только дата допроса, но и время: когда он был начат, когда закончен. Здесь помечен только день: 4 апреля, т. е. прошел он более чем через сутки после ареста. Лукирский вряд ли сумел за это время, хоть ненадолго, заснуть и предстал перед следователем уставшим и встревоженным. Хотя, подобно многим арестованным, наверное, полагал, что история с его арестом — недоразумение, которое быстро разрешится. Следователь же к допросу явно подготовился и обрушил на «обвиняемого» целый шквал «компромата». Зачитанные им показания хорошо знакомых Лукирскому людей, часто — его друзей, несомненно потрясли его. Но не сломили...

Допрос

*обвиняемого*⁵ (свидетеля) Лукирского Петра Ивановича 4.4 1938 г.

Вопрос. Вы арестованы за активную антисоветскую деятельность. Дайте показания по существу обвинения.

Ответ: Антисоветской деятельностью никогда не занимался.

В.: Следствие располагает проверенными данными о вашей антисоветской деятельности и рассматривает ваш ответ как попытку запирательства. Рекомендуем избежать изобличения и дать откровенные и полные показания самому.

О.: По существу вопроса я могу сказать только то, что следствие не может располагать изобличающими меня в преступной деятельности материалами, т. к. никакой такой деятельности я не вел.

В.: Вы будете разоблачены в своей преступной деятельности. А. — знаете?

⁵ Курсив всюду, кроме специально оговоренных мест, — подчеркнутые слова в документах.

О.: Да. Знаю очень хорошо. А. работал в моей лаборатории в Физико-техническом ин-те в Ленинграде.

В.: 20 III 1935 г. А. показал следующее: «Лукирский П. И. убежденный антисоветчик, считающий советскую культуру регрессом человечества, а отдельные затруднения в стране считает затруднениями, вытекающими из самой системы управления. Лукирского я отношу к наиболее яро антисоветски настроенным лицам из известных мне в Лен. Физико-техническом ин-те»⁶. Чем вы объясните это?

О.: Затрудняюсь ответить что-либо на этот вопрос, т. к. совершенно не представляю себе, чем руководствовался А., сообщая обо мне такие сведения.

В.: Известный вам проф. Б. 25 X 36 г. показал: «В состав нашей контр-революционной организации входил Лукирский Петр Иванович — проф. Лен. Гос. Университета. Лукирский был связан со мной. В период обострения международного положения, когда стала реальной угрозой войны и возможность интервенции, мы свою роль видели в разложении тыла для обеспечения победы интервенции с целью поражения Советского Союза».

И далее Б. показал: «Считая, что политика, проводимая Советским правительством, диктуется персонально Сталиным, мы считали, что без устранения Сталина невозможно изменение политического режима в стране».

Как видите, ваша попытка представить себя невинным разоблачена. Будете продолжать отрицание своей вины?

О.: Виновным себя в принадлежности к контр-революционной организации не признаю. Никаких объяснений по показаниям Б. дать не могу.

В.: В принадлежности к контр-революционной организации вас изобличает также известный вам В. 5.1.37 г. он показал: «Я являюсь руководителем контр-революционной группы, состоящей из научных работников высших учебных заведений и научных учреждений. В состав к.-р. группы входят...⁷ Лукирский Петр Иванович, проф. Л.Г.У. Лукирский неоднократно участвовал на контр-революционных сборищах у меня на квартире в присутствии Безиковича, Павлова, Крутова».

⁶ Почти точная цитата из показаний А.

⁷ Отточие в протоколе допроса.

Показания В. правильны?

О.: Я знал В., как порядочного и честного человека. Но показания его в отношении меня неправильны. Я никакой к.-р. организации не знал, ни в какую к.-р. организацию не входил.

В.: Следствие делает вам еще одно предупреждение о необходимости полного вашего разоружения перед Советской властью. Прекратите заpiresательство. В противном случае продолжим разоблачение.

О.: Виновным себя ни в чем не признаю.

В.: Приводим вам часть показаний известного вам Г.

9 X 37 г. он показал: «Лукирский — участник этой же контр-революционной организации. О принадлежности Лукирского к нашей организации я знаю потому, что все мы, помимо контр-революционных убеждений, были связаны друг с другом, встречались и обсуждали с контр-революционных позиций деятельность ВКПб и Правительства. Распространяли порочащие их слухи, возбуждая ненависть и злобу к руководителям Советского правительства и ВКПб. Организация, в которой я состоял до ареста, ставила своей задачей объединение контр-революционно настроенной интеллигенции и организации борьбы за свержение советской власти и установления такого политического строя, который был бы способен устоять против коммунизма, т. е. фашистского строя»... Как видите, в принадлежности к контр-революционной организации вас избличает ряд лиц. Намерены ли вы теперь сами давать показания?

О.: Мне не о чем говорить. Виновным себя в принадлежности к к.-р. организации я не признаю.

В.: Следствие считает вас достаточно избличенным и уже приведенными показаниями. Ваше отрицание своей вины глупо.

О.: Других показаний дать не могу.

Допрос прерван.

Протокол записан в моих ответах верно, мною лично прочитан в чем расписываюсь.

П. Лукирский.

Как было условлено, мы не раскрываем истинных фамилий А., Б., В. и Г. Но о других физиках, фигурирующих в протоколе, коротко скажем.

Яков Самуилович Безикович (1886-1988) — математик, преподававший в разных вузах России и СССР. В 1924 году уехал из страны и навсегда остался за границей (в Англии).

Юрий Александрович Крутков (1890-1952) — физик-теоретик, профессор ЛГУ, член-корреспондент АН СССР. Арестован в 1936 году, 10 лет провел в заключении. Работал в «шарашках»⁸. За проведенные там исследования уже после освобождения (в 1947 году) получил Государственную премию СССР.

Петр Иванович отвечает на вопросы следователя безоглядно смело. Если зачитанные ему показания А., Б., В. и Г. его и потрясли, он это сумел скрыть.

Однако, просмотрев около десятка следственных дел, подобных делу Лукирского, я должен сказать, что во всех них, без единого исключения, обвиняемые во время первого допроса таким же образом отрицают свою «вину». Дело меняется уже во время следующего. Чаще всего он происходит не позднее, чем через неделю после первого.

Вокруг второго допроса

В случае П. И. Лукирского второй — и последний — его допрос, помещенный в следственном деле, состоялся 12 июня 1938 года, т. е. спустя более двух месяцев после первого. Что произошло в промежутке? О Лукирском забыли? Такое бывало. Или специально подвергли его пытке ожиданием? Случалось, подобный метод давал «хорошие» результаты и позволял без особых трудов получать нужные показания.

Обычно найти ответы на этого рода вопросы не удастся. Их получаешь из отрывков воспоминаний выживших узников.

Особенность дела П. И. Лукирского — в том, что мы получаем ответы на эти вопросы, данные языком документов. В его следственном деле хранятся копии трех его жалоб — на имя Наркома внутренних дел Л. П. Берии, Генерального Прокурора СССР А. Я. Вышинского и Начальника Управления НКВД по Ленинградской области (фамилия его в документе не обозначена).

⁸Так обычно называли исследовательские и проектные учреждения НКВД, укомплектованные заключенными. (*Примеч. сост.*)

Все три жалобы практически не отличаются друг от друга текстуально, да и написаны в одно и то же время (сентябрь 1939 года).

Ненадолго нарушая выбранную хронологическую последовательность представления материалов, помещаем здесь одну из жалоб Лукирского.

Начальнику НКВД Ленинградской области
Члена-корреспондента Академии наук СССР,
профессора экспериментальной физики, ныне
заключенного решением Особого Совещания
от 2 сент. 1938 г. сроком на 5 лет по ст. 58-10
Лукирского Петра Ивановича

Заявление

2 апреля 1938 г. я был арестован и мне было предъявлено обвинение в принадлежности к ликвидированной 2 года назад группе контрреволюционеров Физиков-теоретиков, к которой я никогда никакого отношения не имел.

Обвинение было основано на показаниях профессоров: Е., А., Г. и неизвестного мне гражданина Д. Показания всех этих лиц были чистой клеветой. Отношения мои с профессором Е. (...) *всегда были враждебными и бесспорно этим вызваны его показания.* А. и Г. в своих показаниях сочли антисоветски настроенными всех физиков Советского Союза. Что же касается гр. Д., которого я никогда не знал, то его показание, что я будто бы поддерживал работавших у меня Гамова и Тувима, является ложным, так как эти лица никогда у меня не работали.

По-видимому, убедившись в полной необоснованности обвинения меня в принадлежности к какой-либо группе, следователь стал искать других поводов для обвинения, базируясь на каких-то слухах, будто бы слышанных Д. от третьих лиц. Никаких прямых свидетельских показаний лиц, не находящихся в заключении, мне предъявлено не было.

Следователь Божичко, который вел мое дело, применял ко мне незаконные методы следствия: допрос велся в течение семи суток, без перерыва для сна, меня заставляли стоять по 36-40 часов подряд, во время стояния били и издевались.

При этом никаких попыток разобраться в существе дела следователь не предпринимал — от меня требовали только подпись под

заявлением, что я контрреволюционер. Несмотря на применение насилия, такого заявления я не подписал. Следователь не дал мне возможности написать подробные и обстоятельные объяснения по делу. Очных ставок с лицами, давшими показания против меня, не было.

Присутствовавший на допросах Литвин не только не изменил хода следствия, но и способствовал незаконным действиям следователя Божичко. О неправильном ходе следствия я неоднократно писал из тюрьмы Прокурору СССР, но эти письма по-видимому не дошли по назначению.

Никакой контрреволюционной деятельностью я абсолютно никогда не занимался, я всегда был честным советским ученым, отдававшим всю свою жизнь науке и воспитанию молодежи. Я еще полон творческих сил и энергии, которую я надеюсь отдать родной науке и технике.

Прошу пересмотреть мое дело и дать мне возможность опровергнуть клевету, из-за которой я теперь оторван от жизни страны, от науки, от молодежи.

22/VI 39 г.

П. Лукирский

Соликамск, Усольлаг, Котомышский лагпункт, 3-я командировка.

Главную информацию в этом заявлении несут абзацы, касающиеся следователя Божичко (и Литвина). Существенно и то, что, как видно из них, Петр Иванович «неоднократно писал Прокурору СССР». «Но, — продолжает Лукирский, — эти письма не дошли по назначению». Кстати, нет уверенности и в том, что до своих адресатов дошли все три упомянутые и приложенные к делу жалобы. Повторим: исключением оказывается и то, что эти жалобы не уничтожены, а подшиты к делу.

Характерной особенностью следственных дел рассматриваемого типа и, в частности, дела П. И. Лукирского является то, что к ним приобщаются протоколы допросов тех арестованных, которые в своих ответах на вопросы следователей упоминали, хотя бы раз, имя того, на которого и заведено данное дело. Помимо достаточно подробно воспроизведенного выше протокола допроса А. имеются в деле Лукирского и протоколы допросов Б., В. и Г. и даже протокол очной ставки между В. и Е. (производящий особенно гнетущее впечатление).

Из допроса свидетеля Д., 16 июня 1938 г.

Свидетель предупрежден, что за дачу ложных показаний будет привлечен к ответственности по ст. 95 УК.

Вопрос: Лукирского Петра Ивановича знаете?

Ответ: Да, Лукирского Петра Ивановича я знаю как профессора Ленинградского Гос. университета, где я учился с 1924 по 1932 г. После 1932 года общения с Лукирским у меня не было (...) Политически характеризую Лукирского как глубоко враждебного советской власти человека.

В.: Какими данными вы располагаете для такой характеристики Лукирского?

О.: В 1930-1932 гг. на физмате университета был организован кружок для преподавателей, профессоров и аспирантов для изучения марксистской философии. Когда организатор кружка Редозубов обратился к Лукирскому принять участие в работе кружка, Лукирский злобно высмеивал это начинание, сказав: «На вашу философию не хочу тратить и пяти минут». Это заявление Лукирского вызвало осуждение всей общественности факультета.

В 1933 или 1934 году в одной из бесед с профессором Павловым В. И. в присутствии аспирантов, Лукирский открыто восхвалял Муссолини, называя его «умным», что он доступен массам и т.п. Секретарь комсомольской ячейки института⁹, в котором Лукирский был директором, аспирант С.¹⁰, официально сообщил об этом случае в общественные организации института.

За все время пребывания моего в Университете я лично был свидетелем того, что Лукирский группировал вокруг себя студентов-белоподкладочников, всячески протезируя им выдвинуться в «ученые», обходя все постановления на этот счет, созданные в Университете.

Так например, руководителю выступлений против коммунизации университета Ряженцеву помог сделать вне стен университета научную (работу), студента Ансельма, активно выступавшего против мероприятий, проводимых общественными организациями университета, устроил на службу к себе в институт. Исключенному со 2-го курса студенту Рыжанову С. помог поступить на службу и выдвинуться в «ученые». Рыжанов активно выступал против по-

⁹изического института ЛГУ

¹⁰Так в подлиннике допроса.

литики ВКП в вузах, за что был исключен из университета.

Физик Гамов, невозвращенец, и физик Тувим — невозвращенец, были наиболее близкими к Лукирскому студентами, избранниками его. Таким же избранником его была студентка Каннегиссер — сестра террориста Каннегиссер, студент Палибин, ныне осужденный, и другие. На факультете, где я учился, Лукирский среди своих приверженцев имел кличку «секретарь райкома» или «секретарь ячейки».

Кандидатов, выдвинутых партийными организациями для прохождения аспирантуры у Лукирского, он не признавал и всячески стремился научную работу [нрзб] он сорвал работу аспиранта Уткина, Баракана и других.

Протокол записан с моих слов, в чем расписываюсь. —

«Кто есть кто» в этих показаниях? Ну, прежде всего: я, к сожалению, не располагаю никакими сведениями о самом Д. (кроме, конечно, его фамилии и инициалов). Известно, что он не был оставлен в аспирантуре ЛГУ по его окончании (работал после этого какое-то время в Ленинграде в Главной Геофизической обсерватории). Видимо, за это он так и ненавидел Лукирского — ненависть клокочет в протоколе допроса. Ничего не знаю я и о Редозубове, Ряжинцеве, «аспиранте С.». Очень кратко скажу о А.И.Ансельме и С.Г.Рыжанове (В.И.Павлов уже упоминался), а чуть подробнее — о Гамове, Тувиме и Каннегиссер. Назвав их имена, Д. не без основания считал, что наносит особо сильный удар по Лукирскому.

Владимир Иванович Павлов (1884-1954), физик, профессор ЛГУ, близкий друг Петра Ивановича. Всю свою жизнь был связан с Университетом. Хотя к делу это и не имеет отношения, замечу, что он — сын физиолога Ивана Петровича Павлова. Его высоко ценили коллеги. В частности блестящую оценку его работам дал П. Л. Капица в письме академику А. Н. Крылову.

Андрей Иванович Ансельм (1905-1988) — физик-теоретик. Работал в лаборатории П. И. Лукирского на заводе «Светлана». С 1943 года — сотрудник ФТИ и профессор Ленинградского политехнического института.

Сергей Георгиевич Рыжанов — физик-теоретик.

Георгий Антонович Гамов (1904-1968) принадлежит к числу крупнейших физиков-теоретиков второй трети 20-го века. В 1933 году выехал в командировку в Бельгию и в СССР больше не вернулся. В 1990 году ему посмертно было возвращено звание члена-корреспондента Академии наук СССР, которого он был лишен в 1938 году.

Судьба физика Л. Р. Тувима, работавшего, как и Гамов, в Радиевом институте, загадочна. Однажды, во второй половине 30-х годов, он вышел из дома и никогда в него не вернулся. По одной из версий, Тувим тайно перешел границу. Может быть, именно поэтому его и назвал Д., чтобы усугубить тяжесть «преступлений» Лукирского.

Покровительство со стороны Петра Ивановича Евгении Николаевне Каннегиссер (1906-1986) тоже било в поставленную Д. цель, поскольку, с точки зрения органов, она была фигурой более чем подозрительной. Во-первых, ее двоюродный брат, поэт Леонид Каннегиссер, был убийцей М. С. Урицкого. Мало того, в 1931 году она вышла замуж за немецкого физика-теоретика Рудольфа Пайерлса и уехала с ним за границу. Много позже, в Англии, Пайерлс за заслуги в науке был возведен в рыцарское достоинство, так что к концу жизни Евгения Николаевна стала «леди Пайерлс».

Петр Иванович, конечно, знал всех названных физиков; наверняка они слушали его лекции, но не были его учениками, не входили в число участников созданной им еще в довоенные годы физической школы.

Чем объяснить то обстоятельство, что свои отношения с профессором Е. Лукирским квалифицировал как враждебные, сказать затруднительно. В 20-х годах они были если и не дружескими, то — доброжелательными.

Просматривая протоколы допросов физиков, приложенные к делу П. И. Лукирского, задаешься вопросом — была ли какая-либо, пусть и безумная, логика в выборе жертв из числа лиц, в этих допросах названных, каковы были принципы такого «нестественного отбора»? Кого-то вообще не трогали, кого-то — арестовывали. Такой же была практика ведения следствия над ле-

нинградскими писателями. Многие из них обвинялись в участии в контрреволюционных группах, руководимых А.Н.Толстым, Н.С.Тихоновым, С.Я.Маршаком, К.А.Фединым. Вместе с тем, самих «руководителей преступных групп» — к счастью! — не трогали.

В следственном деле П. И. Лукирского имеется протокол допроса одного из физиков, в котором я, помимо Петра Ивановича, насчитал еще 9 имен его коллег. Главным «контр-революционером», названным Г. во время этого допроса, оказался мой отец, Яков Ильич Френкель. На его примере, как мне кажется, хорошо видно, как «шьется» компрометирующий материал.

Итак, вопрос следователя к Г.:

Кто и когда завербовал вас в к/р организацию?

Ответ: В организацию, названную мною выше, меня завербовал в конце 1930 года Френкель Яков Ильич.

В.: Кто такой Френкель? С какого времени вы его знаете?

О.: Френкель — ученый, заведовал тогда теоретическим отделом Научно-исследовательского Физико-технического института (ЛФТИ).

Окончив в 1930 г. Государственный университет, я по рекомендации проф. Лукирского, избрал для работы ЛФТИ, где и попал к Френкелю. В очень короткое время Френкель обратил на меня свое внимание, стал приглашать к себе на квартиру (Сосновка, д. 3), откровенно беседовал со мной на философские, научные и политические темы. Френкель говорил со мной о том, что марксистско-ленинская философия не применима к законам физики и что он решительно выступает против применения материалистической диалектики в естествознании. Я выразил полное одобрение взглядам, Френкеля.

В дальнейшем Френкель сказал мне, что он поддерживает тесную связь со своими единомышленниками и что они представляют собой организацию, действующую против советской власти — за освобождение интеллигенции, и предложил мне войти в эту организацию. Я согласился.

Здесь многое — правда. Правда то, что Я. И. Френкель обратил внимание на очень молодого и талантливого теоретика Г., помогал и продвигал его. Верно и то, что он стал часто бывать у нас дома. Несомненно, отец помимо вопросов теоретической фи-

зики обсуждал с Г. еще и философские ее аспекты, тем более, что оба они ими глубоко интересовались. Столь же несомненно, что Я.И.Френкель говорил своему собеседнику о том фактическом вреде, который причинялся развитию новой физики неуклюжими попытками подогнуть ее трактовку под законы диалектики, примитивно понимаемые философами-диалектиками, плохо разбиравшимися как в физике, так и в философии. Такого рода соображения Френкель излагал не только в частных беседах со своими сотрудниками, но и на семинарах, на конференциях, в печати. Так что первые абзацы показаний не просто правдоподобны, а правдивы. И предопределяют тем самым доверие к тому, что излагается в дальнейшем ходе допроса. А там следует просто бред, и именно тот бред, который и нужен следствию.

И вот конкретный вопрос: почему арестовали П. И. Лукирского, Ю. А. Круткова и др., а не тронули (оставили в резерве?) моего отца? Ведь его имя фигурирует практически во всех рассмотренных мною делах, в том числе и уже опубликованных — за исключением тех страниц дела Лукирского, на которых приведены показания самого Петра Ивановича. Во всех этих делах мы находим также имена Абрама Федоровича Иоффе, Игоря Евгеньевича Тамма, Николая Николаевича Семенова — их тоже не тронули. Умом этого не понять.

Вернемся теперь к хронологическому порядку представления документов следственного дела П. И. Лукирского. Главнейший из них — это короткий и сухой протокол второго допроса, в котором проявились поразительная твердость и мужество Петра Ивановича.

Допрос

Показания обвиняемого (свидетеля) Лукирского П. И.

12 VI 1938 г.

Вопрос: Длительный период времени вы отпирались на следствии и даже не отвечали на вопросы. Вы намерены давать правдивые показания следствию?

О.: Я могу только повторить, что говорил на всех допросах: показаний мне давать не о чем. Я всегда был советским человеком.

В.: Д. знаете?

О.: Нет. Не исключаю того, что среди студентов в Университете был такой Д., но я лично с ним не знаком.

В.: Следствие располагает данными о том, что в Университете на предложение организатора кружка марксистской философии, Редозубова, принять участие в деятельности этого кружка, вы ответили ругательством и враждебно оценили марксистскую философию.

О.: Редозубова не знаю. Предложений его не помню. Отрицаю и то, что я якобы ругал марксистскую философию.

В.: Нам известно и то, что в Университете вы восхваляли фашизм и его лидеров.

О.: Отрицаю даже возможность такого разговора.

Записаны ответы правильно, в чем расписываюсь.

П. Лукирский.

Обратим здесь внимание только на одну фразу — вопрос следователя: «Длительный период времени вы отпирались на следствии и даже не отвечали на вопросы». Протоколов этих допросов в деле нет.

Дальнейшие материалы характеризуют уже бюрократическую карусель или конвейер, целью которого было оформить передачу необходимых документов в суд. С ними, думается, тоже интересно ознакомиться, чтобы иметь представление о машине следствия.

Неправый суд

Протокол об окончании следствия по делу 44532-38 г.

1938 июля 27 дня я, нач. 9 отд. IV отдела УГБ Божичко, на основании ст. 206 УПК ознакомил обв. Лукирского Петра Ивановича с материалами след. дела № 44532 по обвинению его в пр. пр.¹¹ ст. 58-10.11 УК. На вопрос Лукирскому, желает ли он дополнить или изменить показания, данные им на следствии, а также какие документы он желает приложить к делу или каких лиц желает иметь в качестве свидетелей по делу — Лукирский заявил, что желал бы приложить к делу справку ЛГУ о порядке комплектования аспирантов в его лаборатории и справку о работе в ней упоминаемых в протоколе свид. Д.: Гамова, Каннегиссера и Тувим.

После этого обв. Лукирскому объявлено об окончании следствия

¹¹ пр. пр. — преступлениях, предусмотренных. (*Примеч. сост.*)

по делу, в чем расписались:

Обвиняемый П. Лукирский
Следователь Божичко.

«Утверждаю»

Пом. начальника УНКВД ЛО
Майор Гос. Безопасн. (Хатеневер)
31 июля 1938 г.

Обвинительное заключение

по след. делу № 44532-38 года по обвин. ЛУКИРСКОГО Петра
Ивановича в пр. пр. ст. 58-10 и 58-11 У.К. РСФСР

Следствием по делу вскрытой в 1937 г. в Ленинграде фашистской организации была установлена принадлежность к этой организации б. директора физического института Лен. Гос. Университета Лукирского Петра Ивановича, на основании чего последний 3 IV 38 года был арестован.

По показаниям участников фашистской организации Б., В. и Г. Лукирский был завербован в эту организацию в 1934 году активным участником ее — Е., входил в одну из групп этой организации, существовавшей в научных и учебных учреждениях Ленинграда, и был связан по контрреволюционной работе непосредственно с Е. и Б.¹²

Практически контрреволюционная деятельность названных участников фашистской организации, в том числе и Лукирского, заключалась в контрреволюционной критике политики ВКПб и советского правительства, пропаганде фашизма, военного поражения СССР, свержения советской власти, путем использования всех средств борьбы, в том числе террора и установления в стране фашистской диктатуры.

Участники организации, отрицая марксизм и диалектику, как метод познания природы, создавали и распространяли лженаучные, контрреволюционные теории и вредили в практике научных и исследовательских работ.

На следствии обвин. Лукирский П. И. отрицал свою принадлежность к организации, но изобличается в этом показаниями выше названных В., Б. и Г., а в антисоветской агитации также и показаниями А. и Д.

¹²Дается ссылка на страницы следственного дела Лукирского.

Первый этап долгого пути к освобождению

Приведенное нами выше заявление П. И. Лукирского отделе-но от Постановления Особого совещания от 11 сентября 1938 го-да более чем полугодом. Этот промежуток вместил в себя две соседствующие друг с другом даты. 24 ноября 1938 года в газе-тах появилось сообщение о том, что по просьбе Наркома Вну-тренних дел Н. И. Ежова он освобожден от занимаемой им долж-ности. 25 ноября появился указ о назначении на эту должность Л. П. Берии.

Следующий публикуемый нами документ доказывает, что включился новый механизм, свидетельствующий об определен-ных переменах в системе органов НКВД — своеобразной «отте-пели», последовавшей за «пересменкой».

Прокурор 1-го отделения отдела по Спецделам
Прокуратуры Ленинградской области
д. № 44532

15/1 1940 года

осужд. Лукирский

Показания репрессированных В., Г. и Б., на которых основаны обвинения Лукирского, не конкретны, а *в части — не прямые*. Так как объективно никакими материалами вредительская деятель-ность Лукирского не подтверждена, то поэтому, при наличии по-ложительной характеристики со стороны администрации и перед-опроса св. Д., дело следует поставить на отмену постанов. Особ. Совещания и освобождения Лукирского из лагерей.

Подпись *[нрзб]*.

Хорошо известно, что вслед за назначением Л.П.Берии на должность Наркома Внутренних дел многие арестованные в го-ды ежовщины были освобождены. В случае с П. И. Лукирским дело об освобождении затянулось, соответствующие бумаги дви-гались очень медленно — видимо, имело место множество пере-проверок (часть из них, например «передопросы» А. и Д., при-ложены к делу). Так или иначе, очередь до Петра Ивановича к 22 июня 1941 года не дошла. Тем не менее, вопрос об его осво-бождении хотя и медленно, но все же продвигался.

Начнем с публикации первого после снятия Н. И. Ежова доку-мента — «Постановления». Оно утверждено 7 февраля 1940 года

Начальником Управления г. Ленинграда майором госбезопасности Огольцовым и составлено по стандартному образцу:

Гор. Ленинград, 1940 г. января 29 дня. Я, следователь след. части УНКВД г. Ленинграда, сержант Госбезопасности МОРОЗИХИН, на основании заявления ЛУКИРСКОГО П. И. о пересмотре его дела, рассмотрев следдело № 44532-38 г.,

НАШЕЛ...

Далее сержант Морозихин в нескольких строчках пишет о том, что в основу обвинения Лукирского были положены показания других участников к/р организации, косвенно его изобличающие, — «без указания конкретных фактов антисоветской деятельности». Морозихин отмечает: «Лукирский П. И. эти (показания) не подтвердил».

Вслед за этим указывается, что передпрошенные свидетели — А. и Д. (протоколы их допросов имеются в деле) своих показаний против П. И. Лукирского не подтвердили.

Морозихин ссылается на показания свидетелей, привлеченных к рассмотрению дела уже в 1940 году: сотрудников ЛГУ Ф.Д.Клементя, П.М.Морозова и Н.А.Кузьмина (опять-таки протоколы допроса этих свидетелей, произведенного в один и тот же день, 13 января 1940 года, приложены), «знающих Лукирского П. И. продолжительное время по совместной работе; (они) охарактеризовали Лукирского исключительно с положительной стороны как крупного ученого, хорошего общественника и вполне советского гражданина, полностью разделяющего политику, проводимую ВКП(б) и сов. правительством». Дополнительно указывается на приобщенные к делу характеристики П. И. Лукирского, в которых он представлен «с положительной стороны». Эти характеристики подписаны рядом ученых ЛГУ и академических институтов.

И вот, после того, как с должной полнотой излагается, что нашел сержант Морозихин, он формулирует свое заключение:

Принимая во внимание, что показания осужденных Б., В. и Г. в отношении к/р деятельности ЛУКИРСКОГО являются неконкретными и не могут служить основанием для привлечения ЛУКИРСКОГО к уголовной ответственности, что других материалов, изобличающих ЛУКИРСКОГО П. И. в преступной деятельности след-

ствием не установлено и учитывая при этом, что показаниями свидетелей и по месту работы ЛУКИРСКИЙ П. И. характеризуется с положительной стороны, (он, Морозихин)

ПОСТАНОВИЛ:

Настоящее следственное дело № 44532-38 г. на осужденного Особым Совещанием НКВД СССР от 2/IX-38 г. к 5-ти годам ИТЛ при НКВД СССР ЛУКИРСКОГО П. И. направить на рассмотрение Особого Совещания при НКВД СССР с ходатайством о прекращении дела и освобождении ЛУКИРСКОГО из ИТЛ.

В конце документа, после подписи Морозихина, приведена

СПРАВКА: ЛУКИРСКИЙ П. И. отбывает наказание в Усолье-лаге НКВД СССР. гор. Соликамск, Котольшский лагпункт, 3-я командировка.

**Второй этап: в борьбу за Петра Ивановича Лукирского
включаются его коллеги и друзья**

Публикуемый ниже пакет документов отражает начало борьбы за освобождение Петра Ивановича, предпринятой его коллегами и товарищами. Стимулом для этой борьбы было обращение жены Лукирского, Елизаветы Николаевны, к двум ученым, которые, по ее правильному суждению, могли повлиять на ход дела. Первым из них был академик А. А. Байков, профессор Ленинградского политехнического института, избранный от Ленинграда в Верховный Совет СССР. Вторым — Петр Леонидович Капица, хорошо знавший, как мы помним, Петра Ивановича. Елизавета Николаевна несомненно слышала о той определяющей роли, которую сыграли письма П.Л.Капицы в защиту физиков-теоретиков Л. Д. Ландау и В. А. Фока, приведшие к их освобождению из тюрьмы.

В следственном деле сохранилось письмо Е. Н. Ростовской-Лукирской к депутату Верховного Совета СССР академику Александру Александровичу Байкову.

4 февраля 1940 г. мне было сообщено в Секретариате Начальника НКВД Ленобласти, что пересмотр следствия по делу моего мужа, члена-кор. Академии наук СССР, профессора Лукирско-

го Петра Ивановича, закончен и с соответствующим заключением отослан в Москву на решение Особого Совещания НКВД.

Обращаюсь к Вам с убедительной просьбой ходатайствовать перед Особым Совещанием об ускорении решения по делу моего мужа.

12/III Ленинград, Вас. Остров, 40, 10 линия, Г. д. 47, кв. 2 Е. Ростова

Вот отрывок из письма к Л.П. Берии, отправленного в феврале 1940 года группой физиков в составе С.И.Вавилова, А. Ф. Иоффе, П. Л. Капицы, А. Н. Крылова, Н. И. Мухелишвили и В. А. Фока.

В конце 1936 г. в Ленинграде были арестованы крупные ученые-физики, профессора Ленинградского университета Фредерикс Всеволод Константинович и Крутков Юрий Александрович, а в начале 1938 г. там же арестован профессор Ленинградского университета Лукирский Петр Иванович, также крупный ученый. Фредерикс и Крутков приговорены на 10 лет каждый и содержатся в тюрьме в г. Владимире, а Лукирский — на 5 лет и содержится в г. Соликамске (...) Член-корреспондент Академии наук СССР П. И. Лукирский был ведущим ученым в области фотоэлементов и создателем целой научной школы. Его работы вошли во все учебники. Изъятие этих трех крупнейших ученых наносит серьезный ущерб развитию физики и делу подготовки высококвалифицированных кадров. Поэтому мы обращаемся к Вам с просьбой вновь пересмотреть основания, послужившие к их осуждению, в надежде, что новое рассмотрение выяснит возможность возвращения их к продуктивной научной деятельности.

Этот документ хранится в Архиве Российской академии наук в Москве.

Из письма П.Л.Капицы к О.Ю.Шмидту¹⁵ от 4 июня 1940 г.:

Я не знаю, что я лично мог бы по этому поводу¹⁶ предпринять, но, может быть, Вы найдете возможным, ввиду того, что с изъятием Лукирского значительно упала наша теоретическая работа

¹⁴Судя по штампу на заявлении, письмо попало во 2-е Отделение Ленинградского УНКВД 19 III 1940 г.

¹⁵Копия этого письма сохранилась и в личном архиве П.Л.Капицы.

¹⁶В деле освобождения П. И. Лукирского.

по электронным явлениям, имеющая большое практическое значение, обратиться от имени Академии наук в НКВД СССР с просьбой ускорить рассмотрение дела Лукирского как бывшего члена-корреспондента Академии наук.

14-го июня 1940 г. № 62-3

Народному Комиссару Внутренних дел Союза ССР
тов. Л. П. Берия

Письмом от 4-VI с. г. академик Капица П. Л. обратился ко мне с просьбой поддержать ходатайство об ускорении рассмотрения дела бывшего члена-корреспондента АН СССР ЛУКИРСКОГО, как одного из выдающихся физиков СССР.

Письмо академика КАПИЦЫ направляю на Ваше рассмотрение и прошу Вас о последующем известить Президиум Академии Наук СССР.

Вице-президент АН СССР
Академик Шмидт О. Ю.

На письме штамп: «Вх. № 1416. Секрет. Особого Отдела НКВД, 4/11 40 г.».

Сохранилось письмо А.Ф.Иоффе к Петру Ивановичу, датированное 30 июля 1940 года. Письмо это было опубликовано М. С. Соминским в его биографии Иоффе¹⁷. Письмо Иоффе написано с несомненным расчетом на то, что оно будет вскрыто и прочтено цензурой в лагере, в котором содержался Петр Иванович, и выдержано в стиле, парадоксально напоминающем в большей своей части приветственный юбилейный адрес. Как показало дальнейшее развитие событий, расчет Абрама Федоровича оказался правильным. Спустя несколько недель Елизавета Николаевна, — как пишет Соминский, — сообщила Иоффе, что его письмо до Петра Ивановича дошло, а его самого перевели «на значительно более легкую работу, которую он в состоянии выполнять». Это значит, что у письма Иоффе были другие читатели, которым достало ума понять, кто заключен в их лагерь. Что же это была за более легкая работа? Тогдашние — ленинградские — цензоры из Горлита не разрешили обнаружить в книге

¹⁷ *Соминский М. С.* Абрам Федорович Иоффе. — М.; Л.: Наука, 1964. С. 607-608.

должность, на которую перевели крупнейшего физика страны. А это была работа банщика.

СПРАВКА

по архивно-следственному делу № 607489 по обвинению
ЛУКИРСКОГО Петра Ивановича¹⁸.

ЛУКИРСКИЙ П. И. арестован на основании показаний обвиняемых Б., В. (оба осуждены В. К. к 10 г. тюрьмы), Г. (осужден В.К. к ВМН¹⁹), которые показали, что ЛУКИРСКИЙ является участником контрреволюционной фашистской организации интеллигенции, существовавшей в Ленинграде. Кроме того, показаниями свидетелей А. и Д. ЛУКИРСКИЙ характеризовался как антисоветски настроенная личность.

В предъявленном обвинении ЛУКИРСКИЙ виновным себя не признал.

В своих *жалобах* (курсив наш. — В. Ф.) ЛУКИРСКИЙ пишет, что ни в чем не виновен, что к контрреволюционной группе никакого отношения не имел (...)

В связи с жалобами осужденного УНКВД произвело следствие.

К этому, несколькими строками позднее, добавлено:

УНКВД г. Ленинграда (...) вынесло постановление с ходатайством о прекращении дела и освобождении ЛУКИРСКОГО из-под стражи. Кроме того, имеется ходатайство академика КАПИЦА, в котором он, характеризуя ЛУКИРСКОГО как выдающегося ученого, просит ускорить пересмотр дела.

Дело по обвинению ЛУКИРСКОГО Секретариатом Особого Совещания подготовлено к рассмотрению на Особом Совещании 4-го ноября 1940 года.

После этого следуют подписи Начальника секретариата Особого Совещания НКВД СССР и следователя спецчасти НКВД. Дата под документом — 1 ноября 1940 года.

Народному комиссару внутренних дел Союза ССР тов. Л. П. Берия

(В левом верхнем углу запись: «Т. Федоров! Доложите. 13/XI 40. Л. Б.²⁰».)

¹⁸ Эта справка приводится в извлечениях.

¹⁹ В.К. — Военной коллегией; далее зловещая аббревиатура: «Высшая мера наказания».

²⁰ Л. Берия.

2-го апреля 1938 г. органами НКВД в Ленинграде был арестован член-корреспондент Академии наук СССР известный советский физик проф. *П. И. Лукирский*.

Будучи осужден на срок в 5 лет, проф. Лукирский ныне содержится в И.Т.Л. в районе гор. Соликамска.

4-го февраля текущего года родственникам проф. Лукирского было официально объявлено, что дело по обвинению его по статье УК 58-10 пересмотрено Ленинградским УНКВД в положительном для обвиняемого смысле. Такой результат пересмотра целиком подтвердил то высокое мнение о проф. Лукирском, как о безусловно честном советском специалисте, которое существует у лично знавших его и, в частности, у физиков, с которыми проф. Лукирский работал в течение многих лет в Лен. Гос. Университете. После пересмотра дело проф. Лукирского было передано вышестоящим инстанциям в гор. Москву для вынесения окончательного решения. Однако по настоящее время это решение еще не последовало.

Затяжка с окончательным решением побуждает нас обратиться непосредственно к Вам с просьбой ускорить вынесение этого решения.

П. И. Лукирский является исключительно талантливым, полным научной инициативы физиком, одним из крупнейших в Советском Союзе. Возвращение к научной деятельности человека такого масштаба должно в ближайшее же время благотворно сказаться на работе Ленинградского университета. Ускорить возвращение необходимо не только в интересах восстановления справедливости, но и в интересах советской науки.

Депутат Верховного совета СССР академик	А. Байков
академик	А. Крылов
академик	В. Фок
[академик]	П. Капица
академик	А. Иоффе
чл.-кор. АН	А. Алиханов

Документы. Письма служебные и личные

Бумаги по делу Петра Ивановича движутся очень медленно. Вместе с тем, стало известно, что здоровье его ухудшилось. Физики пытаются ускорить освобождение Петра Ивановича, как

бы предчувствуя еще и то обстоятельство, что страна находится на пороге грозных событий, которые могут и вообще остановить или надолго оттянуть это освобождение.

Ниже в хронологическом порядке мы помещаем разного рода документы, помогающие выстроить дальнейшее развитие событий.

Ленинградский Городской Совет Депутатов Трудящихся

Депутат

Академик А. Ф. Иоффе

Ленинград. 21. Сосновка, 2

Телефон № Г 2-52-07

27 февраля 1941 г.

Уполномоченному НКВД по гор. Ленинграду и Ленинградской области
тов. Гоглидзе

Уважаемый товарищ!

В Исправительно-Трудовом лагере в Боровичах Ленинградской обл. содержится *выдающийся* советский ученый, бывш. (до осуждения, 5 л.) профессором Ленинградского университета, *членом-корреспондентом Академии наук СССР — Петр Иванович Лукирский*.

В январе 1940 г. дело его было в Ленинграде пересмотрено и в нем не было найдено оснований для осуждения. Это решение однако не было еще утверждено в Центре.

Состояние здоровья П. И. Лукирского резко ухудшилось (болезнь печени, язвы на ногах). Поэтому использование Лукирского на физической работе опасно для его здоровья. В то же время в Боровичах работает Экспедиция по Геологической разведке, в которой Лукирский работал уже во время своего пребывания в Соликамске. По своим обширным знаниям и блестящему таланту ученого он <может быть> лучше других использован на такой инж.-техн. работе.

Учитывая все приведенные обстоятельства, я обращаюсь к Вам с просьбой оказать содействие в улучшении условий содержания П. И. Лукирского в лагере и, в частности, перевести его на работу в Экспедицию.

Академик А. Иоффе.

Письмо А.Ф.Иоффе написано им от руки. На 2-й странице письма — штамп: «Секретариат УНКВД СССР ЛО. Вх. № 3789. 3 III 1941 г.».

Союз Советских Социалистических Республик
 Народный Комиссариат Внутренних дел
 Секретариат Особого Совещания
 2 апреля 1941 г.
 № 42/3680/3
 Москва, площадь Дзержинского, 2

Секретно
 В УНКГБ Ленинградской области,
 гор. Ленинград

В связи с запросом Вице-Президента Академии наук СССР тов. ШМИДТ и указанием Зам. Наркома НКГБ тов. СЕРОВА об ускорении рассмотрения дела на осужденного ЛУКИРСКОГО Петра Ивановича, направленного Вам для доследования при н/№ 42/1559/3 от 10/II-1941 г., просим поспешить с проведением мероприятий доследования и возвращения дела в Секретариат Особого Совещания при НКВД СССР.

Нач. секр-та Особ. Совещ. НКВД СССР
 Капитан Госбезопасности (Иванов)

Оперупол. секр-та Особ. Совещания
 Лейтенант Госбезопасности (Голубев).

Пометки на документе: *«Срочно, 2 отделение».*

Письмо сыну Андрею.

9 апреля 1941 г.

Дорогой мой Андрюша, поздравляю тебя с днем твоего рождения. Поздравление посылаю заранее с таким расчетом, чтобы оно не опоздало. Андрюша, дорогой мой, тебе уже тринадцать лет. Мне так хотелось бы с тобой обо всем поговорить, так хотелось бы, чтобы ты мне все подробно рассказал про свою жизнь, про свои занятия, про свои успехи в спорте. Мне очень хотелось бы помочь тебе во всех твоих делах и поддержать тебя во всех хороших и полезных начинаниях. К сожалению, я сейчас сделать этого не могу. Однако я очень надеюсь, что и без меня ты будешь работать над собой и развиваться и расти так, как хотел бы твой папа.

Андрюша, дорогой мой, если бы ты знал, как хотелось бы мне быть с тобой. Все время с нашей дорогой мамой, с Ксюшей и Митюхой всем вместе и работать и учиться и веселиться, как в доброе старое время. Я очень прошу тебя и всех: без меня живите

дружно и хорошо — так же, как если бы я был с вами. А мне пишите как можно чаще и подробнее про Вашу жизнь, так как я живу только вашей жизнью — ведь своей у меня нет.

Родной мой Андрияша, твой папа очень любит тебя и гордится тобой. Работай над собой, занимайся, расти так, чтобы, когда твой папа вернется к тебе, он с такой же радостью, любовью и гордостью вошел в свою родную, любимую, дружную сплоченную семью.

Андрияша, дорогой мой, береги нашу мамочку. Без меня ей жить тяжело — облегчайте всячески ей эту тяжесть... Крепко, крепко обнимаю тебя, родной Андрияша. Обними от меня дорогую маму.

Письмо было опубликовано к столетию со дня рождения Петра Ивановича в специальном (№ 25) номере газеты «Политехник» — издании Санкт-Петербургского технического университета от 30 ноября 1994 года. Об Андрее Петровиче в газете, в качестве приложения к этому письму, написано следующее:

Андрей Петрович Лукирский (1928-1965) полностью оправдал надежды отца. В 1950 году он успешно закончил обучение на физико-механическом факультете Ленинградского политехнического института по кафедре технической электроники²¹. Он чрезвычайно продуктивно работал в Ленгосуниверситете, защитил кандидатскую и докторскую диссертации, стал профессором. Он, как и отец, увлекался теннисом, стал мастером спорта, несколько лет был чемпионом Ленинграда и одним из ведущих теннисистов страны.

Начальнику Государственной Безопасности Лен. Области

Прошу Вас принять меня для изложения просьбы по делу моего учителя члена-корреспондента Академии наук СССР проф. П. И. Лукирского. П. И. Лукирский был присужден 2/IX 38 г. к 5 годам заключения, однако при пересмотре его дела 1/II 40 года дело с благоприятным для П. И. Лукирского заключением было отправлено в Москву на утверждение. С просьбой ускорить утверждение к тов. Берия обращалась группа ученых в составе ак. Байкова, ак. Иоффе, ак. Капица, ак. Крылова, ак. Фока и меня и наконец недавно обращался вице-президент Академии наук О.Ю.Шмидт. О. Ю. Шмидту было сообщено, что дело П. И. Лукирского вновь на-

²¹ Заведующим кафедрой был Петр Иванович.

правлено в Ленинград для повторного рассмотрения. В случае Вашего согласия, прошу принять меня в течение времени до 15/V, т.к. после 15/V я должен выехать на 2 недели в Москву.

Член-корр. Ак. Наук СССР. А. Алиханов.

В левом углу этого (написанного А. И. Алихановым от руки) заявления резолюция:

Направить в Гор. след. часть, где пересматривается дело Лукирско-го. В свидании с Лукирским Алиханову отказать.

12/V 41

(подпись неразборчива).

На обороте заявления А. И. Алиханова от руки написана 12 мая 1941 года следующая справка:

Алиханов вызывался мною 12/V. Интересовался делом Лукирско-го; ему сообщено, что дело пересматривается. Кроме того просил свидания с Лукирским.

12/V 41

(подпись неразборчива).

Характеристика

Лукирский Петр Иванович 1894 г. р., урож. Оренбурга, до ареста проживал в гор. Ленинграде, Васил. Остров, 10-ая линия, д. № 47, кв. 2, профессор-электротехник, осужден 2-го сентября 1938 г. Особсовещанием НКВД СССР за к. р. деятельность на 5 лет. В ИТЛ используется в качестве инженера-гидрогеолога в инженерно-геодезической Экспедиции, на работу выходит аккуратно, живет вместе с бригадой, работающей там же, все осуждены за к.-р. преступления. Нарушений лагерного режима не имеет.

1941

Нач. 2-го Лаг. Отделения
Борович. ИТЛ НКВД
Подпись.

Выписка из протокола № 64-м

Особого Совещания при Народном Комиссаре Внутренних Дел СССР от 12 августа 1942 г.

Слушали: Дело № 607489/УНКВД Ленинградской обл. (пересмотр), по обвинению ЛУКИРСКОГО Петра Ивановича, 1894 г. р.,

урож. г. Оренбурга, русский. Осужден Особым Совещанием НКВД 21X1938 г. на 5 лет ИТЛ.

Постановили: Постановлением Особого Совещания НКВД СССР от 2/IX-1938 г. ОТМЕНИТЬ, дело производством ПРЕКРАТИТЬ. ЛУКИРСКОГО Петра Ивановича из-под стражи ОСВОБОДИТЬ.

Подпись.

Возвращение

Ко времени освобождения из-под стражи Петр Иванович уже знал, что его семья, эвакуировавшись из блокадного Ленинграда, обосновалась в Казани. Но надо было туда добраться из Северо-Печорского лагеря! Вот что пишет по поводу этого путешествия сотрудница Лукирского В. Н. Лепешинская:

Помню рассказ Петра Ивановича об освобождении. Вызвали его к лагерному начальству, сказали, что дело его пересмотрено, и объявили об освобождении. П. И. не сказал ни слова (от него, видимо, ждали благодарности), взял бумаги, буханку хлеба на дорогу и пошел тайгой до ближайшей станции железной дороги (70 км). Этот путь был очень опасен: по тайге бродили бежавшие из лагерей уголовники, а для них самое важное было раздобыть документы и еду. Но П. И. благополучно добрал до станции и сумел втиснуться в проходивший поезд на «Большую землю». Так как денег у П. И. не было, он заработал их на погрузке дров для паровозов, да кто-то дал ему взаймы. В общем вагоне, везшем его в Казань, где в то время находились Физтех и его семья, какая-то старушка предложила ему свою еду, сказав, что видит, откуда он едет, хотя он не говорил ни слова. Казань была возвращением в жизнь...²²

В архиве Физико-технического института им. А.Ф.Иоффе Российской академии наук хранится личное дело Петра Ивановича Лукирского. Делу присвоен, как положено, номер: 1157. В картонной папке (на обложке которой запись: «начато 11 сентября 1918 года; окончено 16 ноября 1954 года) прошито и пронумеровано 47 листов.

Лист 25 — это выписка из протокола заседания Высшей Аттестационной комиссии от 17 июня 1935 года об утверждении

²² *Лепешинская В. Н.* Осколки воспоминаний // Чтения памяти А. Ф. Иоффе. 1993-1995. — СПб: ФТИ, 1995 С. 134.

П. И. Лукирского в ученом звании «действительного члена Физико-технического института по специальности „физика"» — было в то время такое высокое ученое звание (Петр Иванович к этому времени уже был членом-корреспондентом Академии наук СССР). Примечательна запись, сделанная архивариусом ФТИ 25 марта 1939 года, на обороте этой выписки: «Всего в деле 27 пронумерованных страниц». Напомним: Лукирский к этому времени уже год находился в заключении. Спасибо безвестному архивариусу, сохранившему дело!

Следующий документ, подшитый к делу, — листок очень плохой по качеству бумаги с неровными краями (размером 13 на 10 см):

В Физико-технический институт Академии наук СССР
члена-корреспондента Академии наук СССР
профессора Лукирского Петра Ивановича

ЗАЯВЛЕНИЕ

Прошу меня восстановить в числе сотрудников Физико-технического института

13 октября 1942 г.

П. Лукирский.

В левом верхнем углу листка, под косым углом к тексту заявления — резолюция, написанная рукою А. Ф. Иоффе:

Зачислить на должность ст. научного сотрудника с окладом 1700 р.

13 октября 1942 г. А. Иоффе.

В тот же день Петр Иванович заполнил стандартный «Личный листок по учету кадров». От подобных листков, имевшихся в личном деле № 1157, он отличается записью, сделанной в п. 30, в котором сформулирован вопрос: «Привлекался ли к судебной ответственности, подвергался ли админ. или дисциплинарн. взысканиям (кем, когда, за что и каким)?». Петр Иванович ответил на этот вопрос с предусмотренной краткостью — под него было отведено в «Личном листке» две небольшие строчки: «2 сентября 1938 г. осужден Особым совещанием на 5 лет. 12 августа 1942 г. Особым совещанием дело пересмотрено и прекращено».

В тот же день Лукирский оформил и еще несколько необходимых документов. Среди них

Автобиография

Родился 13 декабря 1894 г. в городе Оренбурге, где отец работал землемером. После этого отец переводился на работу в г. Симферополь и затем в город Новгород. Вся семья переезжала с отцом. В Новгороде я в 1912 г. окончил гимназию. В этом же году умер отец, и мать стала жить на пенсию. По окончании гимназии поступил в Ленинградский государственный университет, который и окончил в 1916 году. После окончания Университета был оставлен в нем и работал последовательно оставленным, доцентом и профессором. С момента основания Физико-технического института (1918 года) работал в нем. В этих двух учреждениях работал до момента ареста в 1938 году. Все годы прошли в учебе, а затем в научно-исследовательской работе. Жил и работал все время с 1912 года в городе Ленинграде. В 1942 г. 12 августа решением Особого совещания дело пересмотрено и прекращено и в настоящее время я возвращаюсь к научно-исследовательской работе.

В 1919 г. женился, имею троих детей.

Казань, 13 окт. 1942 г.

П. Лукирский.

Угадывается нервное напряжение, в состоянии которого Петр Иванович писал эту свою автобиографию. Он называет университет (в который поступил после окончания гимназии с золотой медалью) Ленинградским, тогда как в 1912 году университет назывался Санкт-Петербургским. Перечисляя должности, которые занимал по окончании университета (к тому времени — Петроградского), указывает одну из них не полностью — «оставленный», что значит «оставленный для подготовки к профессорской деятельности». Пишет о пересмотре дела, словно о нем уже говорилось выше. Не указывает имени своей жены — Елизаветы Николаевны Ростовской-Лукирской.

Волнение Петра Ивановича понятно — скольких давних знакомых он успел, хоть и мельком, увидеть, войдя 13 октября 1942 года в коридор второго этажа Казанского университета, в котором (и в прилегающих к нему нескольких комнатах) располагались дирекция, канцелярия, отдел кадров и лаборатории Физтех!

Следующий документ в личном деле составлен на таком же малюсеньком листочке, что и заявление о приеме (восстановлении) на работу.

Выписка

из Приказа № 52 Казанской группы Ленинградского физико-технического института от 25 мая с. г.²³

§7

Заведующим лабораторией электронных явлений назначить члена-корр. АН П. И. Лукирского.

Зам. директора

М. С. Соминский.

Эта выписка ставит точку на событиях 1938-1942 годов. Перед Петром Ивановичем открывался новый этап его жизни и плодотворной работы в Казани (до реэвакуации в конце февраля 1945 года) и в Ленинграде — вплоть до дня его кончины (16 ноября 1954 года), т.е. чуть больше десяти лет.

²³ Другим почерком добавлено: *43-го года.*